

ИОНЕДОУМЕННИЕ

*Совetskая Kynomyj, 1. Москва
1961 г.*

«**ПОИДИТЕ** на «Каса маре». Пожалуйста, пойдите на «Каса маре!» Послушный этому настойчивому призыву рецензента Данила Данина, отправился я на спектакль Центрального театра Советской Армии и, признаюсь, смотрел его с интересом. С интересом смотрел на стареющую и словно бы вобравшую в себя всю поэзию своего народа Василицу — Л. Добржанскую. На порывистого, безудержного красавца-гуляка Павэлаке — Б. Петелина, актера, уже ряд лет работающего в этом театре, но впервые столь творчески ярко заявившего о себе. Но чем дальше я смотрел, тем большее недоумение овладевало мною. И когда в последний раз закрылся занавес, я усилием воли заставил себя поднять глаза на соседа и увидел, что и он прячет от меня свои глаза... Вот так бывает и в жизни. Слушаешь рассказ, интересный своими подробностями, неожиданными сюжетными поворотами, а кончил рассказчик, и недоумевашь: а зачем, ради чего он это все рассказывал, что хотел он сказать этим? И становится как-то неловко за человека, видимо, хорошего, одаренного, но непонятно, в силу чего поведавшего нам эту житейскую историю.

«Я шел по полувесенней Мокве со счастливым ощущением, что был сейчас свидетелем вдохновляющего события в нашем искусстве», — пишет Д. Данин.

События?!

Мы свидетели многих событий. Трудового и нравственного подвига Валентины Гагановой. Доблести четверки отважных советских солдат. Глубочайшего патриотизма и душевного величия первого в истории человечества космонавта Юрия Гагарина.

Однако нельзя даже пытаться сравнивать несравнимое.

Впрочем, и сам Данин говорит о событии в искусстве.

Николай Хмелев — Каренин...

Удар потрясающей силы по бесчеловечности и жестокости... Удар, нанесенный умным, страстным, талантливым советским художником.

Юрий Толубеев — Вожак...

Гневное разоблачение и осуждение всего антинародного, антипартийного, прикрывающегося крикливыми демагогическими фразами и пытающегося стать тормозом на пути движения революции.

Вера Пашенная — Ламбрини Кирьякули...

Величие духа матери и патриотки. Величие духа народа. Его воля и свобода. Его неиссякаемая человечность.

События в искусстве всегда подразумевают наличие в произведении ли, в сценическом ли образе крупного и глубокого общественного содержания.

А здесь?

Несколько месяцев или несколько лет из жизни немолодой и одинокой женщины...

Уже давно, в годы войны, получив похоронную о муже, Василица живет одна. Ее взрослый сын служит в армии, в Киеве. Каса маре — парадная комната в молдавском доме — заново убрана Василицей в ожидании его возвращения... Но однажды ночью сюда вламывается Павэлаке, едва ли не ровесник ее сына, и Василица, будучи не в силах отказаться от своего позднего бабьего счастья, пускает парня к себе в постель. А затем мы видим Василицу и Павэлаке в кругу основательно подвыпивших друзей, шушукających соседа, встречаемся с разъяренной случившимся матерью парня. И здесь-то спекулянт и гуляка Павэлаке и заявляет, что женится на Василице.

А дальше?.. Дальше парень вдруг исчезает. Оказываетя, он отправился в Киев, где служит в армии сын Василицы, от-

казавшийся от матери из-за ее связи с Павэлаке. Но, увы, сын Василицы не захотел слушать Павэлаке: хороший, умный парень — таково мнение его товарищей — он плюнул Павэлаке в лицо.

Да, я забыл сказать о Софийке. Когда Павэлаке щедро дарил свое внимание многим девушкам и вдовушкам, совсем еще юная девушка, школьница Софийка, влюбленная в него до потери сознания, нервничала. Когда же Павэлаке связал свою судьбу с Василицей, Софийка сразу успокоилась: ее любимый в хороших руках. Слово угадала она завершение всей этой истории, когда че было оно ясно ни Павэлаке, ни самой Василице. Угадала, что Василица со временем найдет в себе силы отказаться от Павэлаке, не дожидаясь, пока он уйдет от нее, и сама направит его сердце и его стопы к порогу ее, Софийкиной юности.

Молодость принадлежит молодости. Сын, кстати, возвращается к матери, видимо, по достоинству оценив акт ее отказа от молодого парня. Василица, еще раз заново убравшая свою касу маре, находит радость и успокоение в труде.

Спору нет! Нравственное, социальное содержание произведения никогда не может быть выражено и исчерпано его фабулой. Однако, что скрыто, что лежит за фабулой «Каса маре»? Трудно ответить на этот вопрос ясно и просто, без некой ложной многозначительности. Проще отделаться общими и выспренними фразами, вrole: «Ну, кто знает, о чем думает женщина, когда она молчит?» — как делает это рецензент Наталья Крымова.

Действительно, кто знает? И кто знает, о чем думает в минуту молчания мужчина? А главное, кто знает, ради чего рассказана нам история любви Василицы и Павэлаке?

Кто?..

И Н. Крымова, и Д. Данин говорят о современности этого спектакля.

«Вполне обыкновенная жизнь, — утверждает Д. Данин, — прошедшая перед нами, вся пронизана духом современности. И это не только во внешних приметах, не только в том, как естественно звучит со сцены слово «спутник». Тут все глубже и тоньше. Дело в нравственной атмосфере борьбы за нового человека, ничем не искаженную человечность. Обыкновеннейшая из женщин молодая Василица — открытие: для нее не сыскать литературной предшественницы. В современности этого образа торжествует истинная всечеловечность».

Н. Крымова еще более категорична и определена:

«Может, и было время, когда такая женщина упала бы на колени, ничего не видя вокруг, и вымалывала бы свое счастье. Василица другая. И представить ее на коленях перед кем-то невозможно. В этом глубокая, неподдельная современность характера».

Но действительно ли здесь присутствуют некая «всечеловечность» и «современность»? Согласиться с этим можно, лишь забыв весь опыт русской литературы и русского искусства, все их бесмертные творения.

Испокон веков утверждали наша литература и наше искусство человеческое достоинство женщины, ее способность к нравственному подвигу и самопожертвованию. Вспомним пушкинскую Татьяну с ее гордой и трогательной отповедью Онегину. Вспомним Лизавету из «Горькой судьбины» Писемского с ее могучей любовью, шедшей наперекор всем обычаям и понятиям времени и среды. Вспомним женщин Островского и Чехова — кто из них когда вымалывал свое счастье?!

Конечно, если сопоставлять поступки Василицы с поступками Райсы Павловны Гурмыжской, сопоставление будет не в пользу последней. Но ведь Гурмыжскую-то Островский, мягкий, душевный писатель, осуждал и делал это резко, зло, беспощадно, а Василице Ион Друцэ, автор пьесы «Каса маре», явно симпатизирует, а Д. Данин и Н. Крымова считают ее нравственным идеалом нашего времени.

Но в чем же состоит моральный подвиг, в чем самопожертвование Василицы? В том, что, как согласно утверждают критики, она сделала из гуляки Павэлаке хорошего человека? Но, во-первых, тому, что Павэлаке стал таковым, его трудовым успехам — мы преимущественно должны верить автору на слово. Как на слово должны мы верить и тому, что Василица за свой труд постоянно получает поощрительные премии. Все это скрыто от наших глаз. А Павэлаке — Петелин обладал недюжинным обаянием и до своего брака с Василицей. И, во-вторых, даже если это и так — Павэлаке под влиянием Василицы преобразился, — следовало ли ей ради этого пускать его к себе в постель? Так ли это было необходимо для ее воспитательных целей?

Я позволю себе привести еще одну, на сей раз последнюю выдержку из статьи Н. Крымовой:

«Так совершается на наших глазах удивительное и прекрасное превращение: любовь женщины ширится, становится более просторной, мудрой, свободной от эгоизма — становится любовью Матери...»

Павэлаке уходит в жизнь, и Василице кажется, будто она родила еще одного сына, доброго, честного, который ее не забудет».

Но можно ли, можно ли гово-

рить здесь о перерастании любви женской в любовь материнскую? В чем оно? Уж не в том ли, что Василица, не дожидаясь, пока Павэлаке оставит ее (а она знает, что это произойдет и произойдет неизбежно: «есть в мире свой порядок»), сама спешит порвать с ним свой брачный союз?..

И в этом современный характер?!

Оглянемся на полстолетия назад. Вспомним образ Марьи Львовны из горьковских «Дачников». Вот чья любовь и в самом деле была просторной и мудрой, поистине свободной от черт эгоизма. Любя Власа, который также годился ей в сыновья, Марья Львовна отвергла его любовный пыл. Но сделала из Власа человека, помогла ему стать революционером. И это и было подлинным проявлением женской гордости, человеческого достоинства, истинной красоты и истинной мудрости.

...Да, занимательную историю рассказал нам Центральный театр Советской Армии. Что же, всякое случается в жизни. Есть в этой истории любопытные детали и штрихи. Но ради чего рассказана эта история? Ради чего обратился к ней режиссер Б. Львов? На это ответить, повторю, трудно.

Не исключено, что поклонники спектакля даже самую постановку подобных вопросов сочтут грубой, вульгарной и неуместной. Обвинят меня в том, что к такому тончайшему и сложнейшему явлению, как произведение искусства, я подхожу прямолинейно и примитивно.

Я написал то, что думаю и чувствую. Написал, движимый самыми добрыми чувствами по отношению и к одаренному писателю Иону Друцэ, и к талантливому коллективу Центрального театра Советской Армии, глубокой тревогой, которую вызвали во мне статьи Н. Крымовой и Д. Данина.

Написал в силу того, что молчать, мне кажется, нельзя!

Юр. ЗУБКОВ.